

Философская терминология в переводах с греческого на сирийский

В докладе планируется дать общее представление о хронологии переводов философских текстов с греческого на сирийский.

Сирийцы на протяжении своей истории переводили и много перевели философских текстов античности. Самый популярный автор – это Аристотель, кроме Сергия, Севера Себохта и Павла Перса известны переводы Хунайна ибн Исхака. На втором месте расположился Гален, за ним идут философско-теологич. тексты отцов церкви (Василия, Немесия, Григория Нисского и т.д.). В последнюю очередь сирийцы переводили стоиков, Платона и неоплатоников. Существует хронология переводов, предложенная Броком, которая включает три периода (1. творческий: 2-5 вв., 2. буквалистский: 6-8 в., 3. схоластический: 9-13 в.). Для главных философских терминов таких, как ум, идея, понятие, душа, восприятие, ощущение, мысль, мышление и т.д. в сирийском не существовало единого перевода и внутри каждого периода возникал ряд устоявшихся переводов. Именно это позволяет датировать рукописные тексты таких переводов.

Аристотелевские переводы в сирийском сформировали особое «перипатетическое койне», в котором такие слова как *ousys* (οὐσία), *taskis*, *hegemonikwn* и ряд иных не переводились, а «перводвигатель», «энтелехия», *δύναμις*, *ἐνέργεια*, *télos* и ряд других регулярно переводились на сирийский. Чем далее, тем более сирийцы тяготели к заимствованиям, осознавая несоразмеримость греческих и сирийских семантических полей. В словарях Бар Али и Бар Бахлуля списка греческих философских заимствований показывают, как со временем сирийцы тяготели ко все более рабскому отношению к греческим оригиналам. Так погоня за точностью иногда оборачивалась рабством оригиналам.

Отдельную проблему составляла медицинская литература: достаточно сравнить переводы Галена Сергием (6 в.) и Хунайном (9 в.), чтобы стала видна прогрессирующая техника перевода.

При появлении переводов патристической литературы возникал иногда конфликт между библейской традицией (идущей от иврита) и философскими терминами греческой философии. Так термина *ruḥā* использовался для передачи греческого *πνεῦμα*, хотя у этих понятий в Библии и у Аристотеля, например, разная семантика. Другой пример – термин *bar-pašā* (сын человеческий), который используется для передачи понятия «человек», но в антропологическом дискурсе Платона и Аристотеля у слова *ἄνθρωπος* разные обертоны. В опровержении мар Афрема на манихеев, маркионитов и бар-дайсанитов он старается не использовать собственные термины оппонентов и избегает перехода на заимствованные термины. Уже в переводе мар Бавваем «Сотниц» Евагрия виден творческий подход – переводчик понимает нюансы философско-теологического словоупотребления.

Вершиной философской изощренности надо считать Бар-Эвройю, который в своем магистральном труде *Hwat hekmta* («Сливки мудрости») дал чрезвычайно изысканное и тонкое введение в философскую систему Стагирита, построенную на систематическом подходе к философской терминологии.

Параллельно со вторым и третьим периодами развивался арабский проект «фальсафа» (арабского перипатетизма), связанный с Бей ал-хикма и такими переводчиками и философами как Хунайн, Куста ибн Лука и аль-Кинди. Все они знали сирийский и пользовались существующими переводами. Философская терминология у Кусты есть результат двойной рефлексии – греческо-сирийской и сирийско-арабской.